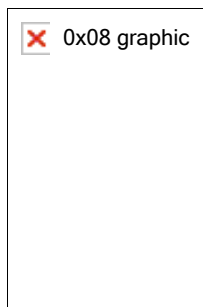

Сергей Сергеев
 "...Жизнь нельзя ввести в оглобли"
 К 100-летию со дня кончины А. И. Эртеля

Изд: "Москва" 2008, N 2
 Источник: <http://www.moskvam.ru/2008/02/Ertel.html>
 Date: 26 августа 2009

REM: Письма к В. Г. Черткову, П. А. Бакунину, А. С. Пругавину и др.

"...Жизнь нельзя ввести в оглобли"
 К 100-летию со дня кончины

"Какая умница, какой талант в каждом слове, в каждой усмешке! Какая смесь мужественности и мягкости, твердости и деликатности, породистого англичанина и воронежского прасола! Как все мило в нем и вокруг него: и его сухоощавая, высокая фигура в прекрасном английском костюме, на котором нет ни единой пушинки, и белоснежное белье, и крупные с рыжеватыми волосами руки, и висячие русые усы, и голубые меланхолические глаза, и янтарный мундштук, в котором дымится дорогая папироса, и весь этот кабинет, сверкающий солнцем, чистотой, комфортом! Как поверить, что этот самый человек в юности двух слов не умел связать в самом невзыскательном уездном обществе, плохо знал, как обращаться с салфеткой, писал с нелепейшими орфографическими ошибками?" -- так вспоминал в 1929 году свое двадцатилетней давности впечатление от Александра Ивановича Эртеля (1855-1908) Иван Алексеевич Бунин. У меня нет сейчас возможности подробно излагать биографию этого замечательного человека и писателя, столь ценимого автором "Жизни Арсеньева". Отмечу только, что он был внуком пленного немецкого солдата наполеоновской армии и сыном управляющего провинциальным помещичьим имением, действительно не получившим никакого образования, но благодаря природным дарованиям и самообразованию ("для меня книги были и низшим, и средним, и высшим учебным заведением, потому что ни в том, ни в другом, ни в третьем я не был") ставшим известным и плодовитым литератором (после его смерти вышло семитомное собрание сочинений), с которым общались и переписывались не только собратья-писатели (в том числе Лев Толстой и Чехов), но и философы (П. А. Бакунин и В. В. Лесевич), ценившие в нем способность к отвлеченному мышлению. При этом он почти всю жизнь продолжал работать на земле -- и как владелец своего собственного хозяйства, и как управляющий несколькими помещичьими имениями.

Эртель ныне прочно забыт. И не мудрено: последний раз его сочинения переиздавались у нас в 1989 году. Так что для молодежи этого имени не существует вовсе, люди постарше что-то смутное могут припомнить: "писатель второго ряда", "писатель-народник", один из многих давно никем не читаемых "критических реалистов" конца XIX столетия -- всяческих златовратских, засодимских и прочих гусевых-оренбургских. Некоторые эрудиты, пожалуй, назовут даже наиболее известное эртелевское произведение -- роман "Гарденины", но державших его в руках уже надо искать днем с огнем. Не лучшее дело обстоит и с научным исследованием наследия Александра Ивановича: я очень сомневаюсь, что сегодня в Москве и Питере сохранились филологи-специалисты "по Эртелю" (их и раньше было не густо), редкие публикации о нем за последние годы появлялись чуть ли не исключительно в провинциальных (воронежских, тамбовских, липецких) изданиях.

Что ж, скажет кто-то, это грустно, но такова посмертная судьба десятков второстепенных талантов в великой русской культуре, -- куда более именитые современники Эртеля подверглись едва ли не той же участи, достаточно вспомнить Глеба Успенского, Гаршина, Короленко (лишь последний ненадолго реанимировался в читательском сознании своими письмами к Луначарскому). Но такой, например, строгий судья, как Бунин, как раз полагал, что автор "Гардениных" (о которых, кстати, с похвалой отзывался Толстой, и с ним нельзя не согласиться -- роман этот и правда превосходный) не